

Хренов Н.А.

Спустя столетие после первой мировой войны. Война и культура

Аннотация: События на Украине, следствием которых являются расхождения в их оценке со стороны России и Запада, возвращают к извечной проблеме взаимоотношений между Россией и Западом как двумя цивилизациями. Эти взаимоотношения разворачиваются по принципу диалога, хотя в истории были периоды, когда этот диалог нарушался. Это произошло в годы первой мировой войны, столетие с начала которой мир отмечает в 2014 году. Но обострение отношений между Россией и Западом, о чем свидетельствовала первая мировая война, не было последним. Вторая мировая война явилась следующим актом этой трагедии. Размышляя о двух мировых войнах XX века, автор затрагивает один из самых болезненных вопросов истории – имеющее место между разными цивилизациями непонимание, очередную вспышку которого мы наблюдаем и сегодня. В статье сделана попытка осмыслить не только то, какой ущерб наносит столкновение цивилизаций культуре, но и то, как культура проявляет себя в ситуации войны. Одной из основополагающих функций культуры является функция выживания человеческих коллективов в экстремальных ситуациях, в том числе, и в ситуации столкновений между цивилизациями. В связи с этим автор подробно уделяет внимание проблеме ментальности народов, вступивших в конфликтные отношения. Войной обычно занимаются историки и, еще точнее, военные историки. Мало кто исследует психологический фактор войны. Предполагается, что столкновение между цивилизациями это не только столкновение военных потенциалов, но и ментальностей народов. Исследование ментального фактора как значимого признака культуры в истории войн, чему и посвящена данная статья, позволит утвердить новый взгляд и на войну, и на диалог между цивилизациями, и на функции культуры в экстремальных ситуациях.

Review: Latest Ukrainian events that have led to the disagreements between Russia and the West regarding evaluation of these events return us to the eternal problem about relations between Russia and the West as the two civilizations. Their relations have been developing in a form of a dialogue but there have been periods when the dialogue has been ceased. This is what happened during the First World War which 100th anniversary the world is going to celebrate in 2014. However, the First World War was not the last evidence of a growing conflict between Russia and the West. The Second World War was the next act of this tragedy. Reflecting on the two world wars of the 20th century, the author touches upon one of the most nettlesome questions in history – the misunderstanding that happens between different civilizations and the flare-up of which we are witnessing today. The author of the article makes an attempt not only to understand the damage caused by the clash of civilizations to the culture but also the way culture proves oneself in time of war. In this regard, the author focuses on the mentality of nations entering into a conflict. War is usually studied by historians or, to be more specific, military historians. Very few researchers study the psychological factor of war. However, the author of the present article makes an assumption that the clash of civilization does not only involve the conflict of military capacities but also the conflict of national mentalities. According to the author, by studying the mentality factor as a significant cultural feature in the history of wars, just as the present article does, we can create a new approach to war, the dialogue between civilizations and functions performed by culture in extreme situations.

Ключевые слова: война, цивилизация, диалог, ментальность, культура, варварство, государственность, империя, византийская традиция, мессианизм.

Keywords: war, civilization, dialogue, mentality, culture, barbarism, statehood, empire, Byzantine tradition, messianism.

2014 год является, как известно, годом культуры. В то же время в этом году исполняется ровно сто лет с начала первой мировой войны, воспринимающейся в свое время

беспрецедентной и неожиданной для многих катастрофой. Как известно, именно эта война подтолкнула О. Шпенглера на создание философского бестселлера под названием «Закат Европы», который на протяжении всего XX века все подвергали критике, но, однако его

никто не мог забыть. О. Шпенглер первым распознал, что война явилась следствием распада реальной на протяжении столетий установки европоцентризма и обострения конфликта между разными народами.

Попробуем в данной статье совместить обсуждение двух явлений – культуры и войны. Касаясь кризиса Запада, Альфред Вебер констатирует: к началу XX века многим казалось, что Европа вступила в эпоху благоденствия, что, наконец-то, все конфликты и распри были преодолены. Одним словом, началась «белая эпоха». Но не тут-то было. Выяснилось, что единство оказалось мнимым. Катастрофа все же случилась¹. Может быть, нечто похожее мир переживает и сегодня. Интенсивные процессы глобализации стимулируют вопрос об обретении единства человечества, но опасность войны не исчезает.

Г. Федотов утверждал, что вторая мировая война является вторым актом первой мировой войны². Да, XX век трудно представить без этих двух войн. Поражение Германии в первой мировой войне породило потребность в реванше. Русская революция 1917 года стала предлогом для удовлетворения этой потребности. Мир был напуган раскручивающимся «красным колесом». Германия вызвалась остановить его. Вот как представляет дело И. Ильин. «Фашизм возник как реакция на большевизм, – пишет он – как концентрация государственно-охранительных сил направо. Во время наступления левого хаоса и левого тоталитаризма – это было явлением здоровым, необходимым и неизбежным. Такая концентрация будет осуществляться и впредь, даже в самых демократических государствах; в час национальной опасности здоровые силы народа будут всегда концентрироваться в направлении охранительно-диктаториальном. Так было в Древнем Риме, так бывало и в новой Европе, так будет и впредь»³.

Поскольку, начиная с первой мировой войны, мир вступил в катастрофическую эпоху, гуманитарная наука вынуждена была искать выход. И именно потому, наверное, она и вызвала к жизни концепт диалога как средство выживания. В том числе, и между цивилизациями.

Столкновение в первой мировой войне не сводится к отношениям только России и Германии. Это столкновение спровоцировало разветвляющееся в прошлом столкновение между цивилизациями. Так получилось, что после философской и научной революции XV-XVI века – возникновения духа модерна началась цепная реакция революций. XIX век стал веком революций. XX век – веком мировых истребительных войн. Может быть, они стали следствием революций и духа модерна? Мир стал нетерпелив, и логика эволюции казалась безнадежно устаревшей. Со временем стала осознаваться негативная сторона модерна. Социальное обновление с помощью революций оборачивалось разрушением культуры. Кризис мировосприятия модерна следует вести не с появлением в 1947 году известной книги М. Хоркхаймера и Т. Адорно «Диалектика Просвещения», когда впервые была осознана обратная сторона модерна. Может быть, крах модерна произошел именно в ходе второй мировой войны. Заодно были похоронены иллюзии русских, выражением которых явилась как следствие модерна революция 1917 года.

Кажется, что война демонстрирует отрицание всякого диалога между народами. Перечеркивает диалог. Диалогические отношения между народами она переводит на противостояние сил. Сила становится решающей. У кого больше силы, тот способен навязать монолог. Подчинить и подавить другой народ. Овладеть и заставить побежденного быть зависимым, отречься от себя, перестать быть собой. Это может достигать варварских форм, когда в противнике начинают видеть только врага, которого необходимо уничтожить.

До XX века, когда технология ведения войны не успела достигнуть таких высот, еще допускалась возможность видеть в противнике равного себе. История свидетельствует, что нередко выдающиеся полководцы отдавали дань мужеству и военной доблести своих противников. Недаром у Пушкина в «Полтаве» о Петре сказано: «... В шатре своем он угощает / Своих вождей, вождей чужих, / И славных пленников ласкает, / И за учителей своих / за здравный кубок подымает»⁴. Какие – то отзвуки этой традиции пусть и в сильно деформированном виде имеют место и в XX веке. Даже Гитлер однажды смог подняться над собой и, оставив нелестные характеристики Черчиля и Рузвельта, дал положительную характе-

¹ Вебер А. Избранное: Кризис европейской культуры. СПб., 1999., с. 434

² Федотов Г. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры., т. 2. СПб., 1992., с. 308;

³ Ильин И. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948-1954 годов. В 2-х т., т. 1., М., 1992., с. 75;

⁴ Пушкин А. Собрание сочинений в 10 т., т. 3., М., 1960., с. 231;

ристику Сталину. По свидетельству Геббельса, приводимому Д. Робертсом в книге «Иосиф Сталин. От Второй мировой до «холодной войны». 1939-1953», Гитлер считал, что Черчиль и Рузвельта следовало бы повесить, а что касается Сталина, то «он реорганизовал страну в 170 миллионов человек и подготовил ее к масштабному вооруженному конфликту»⁵.

В своих очерках по психологии войны Н. Бердяев писал: «Нравственно достойнее на себя взять ответственность за зло войны, а не возлагать его целиком на другого. Нравственно предосудительно слишком уж считать себя лучше другого, в другом видеть злодея и на этом основании оправдывать свою борьбу с ним. В поединке необходимо некоторое уважение к противнику, с которым стало тесно жить на свете. Должно это быть и в поединке народов»⁶. Образ войны как состязания, поединка используется в литературе. Мы обнаружим его и у Л. Толстого, и у В. Гроссмана, описавшего чувство выигравшего победу под Сталинградом Сталина.

До тех пор, пока сохраняется восприятие противника как равного, в стихии войны присутствует элемент игры в высоком философском смысле, а значит и культуры. Однако в большинстве случаев современную войну определяет не игра, а сила. Пусть сила, но только мудрая. Не использовать по каждому поводу танки и ракеты, а, прежде всего, иметь сильную армию как гарантию мира не только в собственной стране, но и, если нужно, то использовать ее для защиты дружественных и нуждающихся в помощи народов. Собственно, ведь так действует и современная американская империя. Так вот, не пугать танками и ракетами, а пускать их в дело лишь в самых критических ситуациях, когда без них обойтись уже невозможно и когда все другие способы исчерпаны.

Но все-таки, поскольку приходится говорить о культуре, то на первый план здесь выходит не сила, а, как это ни покажется странным, игровой инстинкт. Посмотрите, какая мрачная и предельно жестокая история произошла на Украине. Имеется в виду убийство людей в Одессе. Их разрубали на части, когда они, спасаясь от удушья, бросались с верхних этажей вниз. Какая вакханалия жестокости. Это ведь не компьютерные игры. Судя по все-

му, обкуранные юные отморозки перепутали живых людей с компьютерными игровыми фигурами. Возможно, это следствие увлечения компьютерными играми. Предупреждал же Маклюен, что новые мощные технологии имеют такой же эффект, как и взрыв атомной бомбы, и последствия их воздействия будут осознаны лишь позднее. Когда выходили его книги, этот тезис трудно было понять. Да, произошел выброс варварства. Конечно, до трагедии, что произошла в Одессе, еще можно было сомневаться, фашизм ли это. Можно было подумать, что пропаганда перестаралась. Но Одесса утвердила в этом мнении. И там, и тут фашизм. Расхождение только в масштабах. Большое всегда начинается с малого. Хотя ведь все начиналось с благородного возмущения народа против насквозь прогнившего от коррупции государства, что оказалось возможным в ситуации либерализации.

Вообще, корни войны лежат в мирном времени, в стремлении к обогащению. Об этом хорошо сказал парадоксалист Достоевского. «Положительно можно сказать, – говорит он – что долгий мир ожесточает людей. В долгий мир социальный перевес всегда переходит на сторону всего, что есть дурного и грубого в человечестве, – главное к богатству и капиталу. Честь, человеколюбие, самопожертвование еще уважаются, еще ценятся, стоят высоко сейчас после войны, но чем дольше продолжается мир – все эти прекрасные великодушные вещи бледнеют, засыхают, мертвеют, а богатство, стяжание захватывает все... Долгий мир производит апатию, низменность мысли, разврат, притупляет чувства. Наслаждения не утончаются, а грубеют. Грубое богатство не может наслаждаться великодушием, а требует наслаждений более скоромных, более близких к делу, то есть к прямейшему удовлетворению плоти. Наслаждения становятся плотоядными. Сладострастие вызывает сладострастие, а сладострастие всегда жестокость»⁷.

Лишь в том случае, когда в войне сохраняется игровое начало, можно констатировать и присутствие культуры, и присутствие диалога. Читая роман В. Астафьева «Прокляты и убиты», в котором досталось и «вашим» и «нашим», невольно приходишь к выводу: истребительные войны XX века – это выход за пределы не только культуры, но и осевого времени, когда ни о культуре, ни о нравственности говорить не приходится. Они просто еще

⁵ Робертс Д. Иосиф Сталин. От Второй мировой до «холодной войны». 1939-1953. М., 2014., с. 523;

⁶ Бердяев Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990., с. 191;

⁷ Достоевский Ф. Полное собрание сочинений в 30 т., т. 22., Л., 1981., с. 124;

не возникли. Установка на полное уничтожение противника возвращает в доисторию. Этот выплеск произошел и на Украине.

В начале XX века русские философы вслед за прогнозами Ф. Ницше (а он пророчил: «будут войны, каких еще на земле не было») пишут о будущем возврате в варварство. Они еще не имеют перед собой опыта первой мировой войны. Кажется, подлинный упадок в варварство – это войны XX века. И все-таки невозможно взять на себя смелость доказывать, что вторая мировая война была выходом за пределы осевого времени и выбросом варварства. По крайней мере, со стороны русского человека, русского солдата. А именно с этой точки зрения – рядового воина завещал видеть войну Л. Толстой.

Всем известна непрекращающаяся до сих пор дискуссия: кто сыграл решающую роль в достижении победы во второй мировой войне? Многие и тогда, и некоторые до сих пор в качестве обеспечившего победу во второй мировой войне называют Сталина, вспоминая эпизод из фильма М. Чиаурели «Падение Берлина», в котором генералиссимус выходит в белом кителе из прилетевшего из Москвы в Берлин самолета. Ну, просто небожитель. Но, кажется, сегодня уже никто не сомневается в том, что победителем является, прежде всего, народ, русский народ. Этот вывод невозможно оспорить. И все же полагаю, что в данном случае в качестве значимого фактора забывают о культуре. Что же касается народа, то он, конечно, является и творцом, и хранителем культуры.

Когда приходится говорить о культуре в связи с войной, то обычно этот вопрос сводят к разрушению в ходе военных столкновений памятников архитектуры. Так, во время первой мировой войны был разрушен средневековый Реймский собор. Например, обращает на себя внимание тот факт, что XX век начинался с разрушения самых блестящих явлений культурного наследия прошлых эпох. Но с варварского разрушения начинался и век XXI-й. Как известно, в Реймском соборе было более двух тысяч скульптур. Так вот, они были разбиты. Когда в печати военных начали обвинять, немецкий генерал фон-Дисфурт реагировал так: «Было бы ниже нашего достоинства защищать наши войска от обвинений, раздающихся внутри и вне наших границ. Наши воины, да и все мы, немцы, никому не должны объяснять наших поступков, мы ни в чем не оправдываемся, нам нечего себе прощать. Все, что сделают наши солдаты, чтобы нанести вред и

причинить зло неприятелю, чтобы отлучить победу от его знамени, все хорошо и заранее оправдано. Так мы обязаны думать. Нам нет дела до мнения других стран, хотя бы и нейтральных. И если все памятники и шедевры искусства, какие очутятся между нашими и неприятельскими пушками, отправятся к черту, нам это совершенно безразлично... На это даже не стоит терять слов. Марс – хозяин положения, не Апполон. Нас называют варварами! Пускай! Мы будем этому смеяться! Мы даже, пожалуй, можем подумать, не есть ли это для нас сейчас почетное наименование. Пусть раз и навсегда избавят нас от этой праздной болтовни о каких то Реймских Соборах и всех вообще церквах и дворцах, которые разделят ту же участь. Мы больше не станем слушать. Лишь бы пришло из Реймса известие о вторичном победоносном вступлении в него наших армий! Все остальное – пустяки»⁸.

Что же касается начала XXI века, то он тоже начался с аналогичного проявления варварства. В 2001 году талибы взорвали сооруженные в 3-м веке монументальные статуи Будды в Бамиани. Они имели исключительную ценность.

Мы привели два факта. Но ведь это стало уже почти привычным делом. Возьмите события в Ираке. Археологи называют Ирак колыбелью цивилизации. Те сокровища, которые есть на этой территории, насчитывают свыше семи тысячелетий. Именно на этой территории, которую греки называли Месопотамией, начали впервые рассуждать о философии и религии, воплощать идеи прекрасного в осязаемые формы. Большинство событий книги Бытия происходило именно здесь.

Когда Д. Буш выступал в 2003 году по телевидению, он констатировал, что иракский народ является наследником великой цивилизации, внесшей огромный вклад в развитие человеческой культуры. И что же? Может быть, американские военные пощадили эти места и сокровища, которые там имели место? Да нет, многое уничтожалось.

Приведем в данном случае те факты, которые излагает в своей книге «Немезида. Последние дни американской республики» американский автор Ч. Джонсон. Национальный музей в Багдаде – самый богатый археологический комплекс на Ближнем Востоке был просто разграблен. Например, была полностью похищена коллекция со свитками

⁸ Жеффрой Г. Реймский собор. Журнал «Аполлон». 1915., 3 4-5, с. 50;

и глиняными табличками, многие из которых покрыты письменностью в ее самых ранних формах. Были сожжены также книги и рукописи, хранящиеся в Библиотеке Коранов и Национальной библиотеке. Так, по некоторым данным в 2003 году сгорело 1 миллион книг и 10 миллионов документов. Ведь пожар можно было потушить, но этого не делалось.

На этой территории сохранились стены древнего шумерского города Ур с массивным зиккуратом, построенном между 2112 и 2095 годами до новой эры и отремонтированной царем Навуходоносором 11 в У1 веке до новой эры. Так, американские солдаты растаскивали глиняные кирпичи, из которых сделаны эти древние здания. Более того, американцы тут же рядом с этим памятником построили грандиозную авиабазу с взлетно-посадочными полосами. Рядом с развалинами греческого амфитеатра эпохи Александра Македонского американцы разместили парковку для тяжелой техники. Когда о мародерстве стало известно, министр Рамсфельд отреагировал на это такими словами: «У свободы неприглаженный вид... Свободные люди свободны делать ошибки и совершать преступления»⁹.

Ну, и насколько отличается эта реакция современного американского военного от того, что было сказано в годы первой мировой войны немецким генералом фон-Дисфуртом? Увы, прогресса все еще нет.

Но темой разрушения исторических памятников вопрос об отношениях войны и культуры не исчерпывается. Удивительное дело, культура – это такая тонкая субстанция, которая с трудом поддается окончательному определению. Ее сущность ускользает. В нашей стране возникла даже целая наука, чтобы этот вопрос прояснить. Кажется, до сих пор не прояснили, и, может быть, это является причиной, почему с некоторых пор на нее начались гонения. Напрасно. Мы вечно спешим. Не умеем ждать. Между тем, определенность культуры и ее предназначение выступает ясно лишь в экстремальных ситуациях. Такой экстремальной ситуацией является война. Предназначение культуры как раз и заключается в том, чтобы народ в экстремальных ситуациях выживал.

Вторая мировая война была испытанием русской культуры. Даже в большей степени, чем первая мировая война. Испытанием на прочность. Не случайно тема «война и культура» стала актуальной именно с начала пер-

вой мировой войны. В 1914 году И. Сытин даже издавал серию под этим названием, в которой печатались такие мыслители, как Е. Трубецкой, Н. Бердяев, И. Ильин, С. Булгаков, В. Эрн и другие.

Все-таки война не перечеркивает диалог, как она не исключает и культуру. Она только на краткий миг затрудняет диалог, делает его как бы несуществующим. Ведь диалог между цивилизациями происходит не в кратких длительностях времени. Вторая мировая война – лишь миг в этой истории. Если под историей иметь в виду историю цивилизаций, то диалог развертывается на протяжении столетий. В большом историческом времени. Он развертывается, прежде всего, на уровне ментальностей. Хочется именно на этом ментальном факторе и остановиться.

У каждой цивилизации собственная ментальность. Как утверждал немецкий историк Э.Трельч, это очень тонкая вещь. Носителю одной ментальности трудно понять другую ментальность. Цивилизации никогда до конца не понимают друг друга. «Великие культуры Запада, ислама, Китая и Индии понимают в сущности лишь самих себя – пишет Э. Трельч – пользуясь контрастами только как средством для самопонимания и, пожалуй, для самообновления»¹⁰. Касается выдающийся немецкий историк и отношений между Россией и Западом («Уже по отношению к России, которая ведь, как и мы, унаследовала христианство и позднеантичную мистику спасения, наши культурно-философские масштабы оказываются недейственными, так как у нас нет общего с ней латинского прошлого»¹¹).

Это мы сегодня ощущаем как никогда. В случае с Украиной не хватает понимания со стороны Запада. Нам навязывают только монолог. Но диалог все-таки должен сохраниться. В историческом времени он является перманентным. Любопытно, что если диалог развертывается в больших длительностях времени, то выход за его пределы можно предсказать. В самом деле, то, что, например, произошло в XX веке с Россией и Германией, было спрогнозировано еще в XIX веке. То, что в XX веке произойдет возвращение в варварство, прогнозировал не только Ф. Ницше. Так, М. Бакунин давал более конкретный прогноз, а именно, неизбежное столкновение России с Германией. И он сводил причину к несовпадению ментальностей.

⁹ Джонсон Ч. Немезида. Последние дни американской республики. М., 2008., с. 80;

¹⁰ Трельч Э. Историзм и его проблемы. М., 1994., с. 158;

¹¹ Трельч Э. Указ. Соч., с. 157;

Почему это пророчество подтвердилось? Неужели это и в самом деле можно было предвидеть? В своем прогнозе М. Бакунин исходил именно из разных типов ментальности. Более того, из ментальности тех народов, которые могут претендовать на лидерство в мировой истории. Нельзя забывать, что М. Бакунин делает свой прогноз в ситуации восхождения Германии. Когда читаешь «Речи к немецкой нации» И. Фихте, а они являются ярким документом идей модерна, убеждаешься, что существует не только русская, но и немецкая идея. Впрочем, идеологи национал-социализма об этом знали. Так, Иозеф Геббельс в своей повести, написанной в форме дневниковых записей и изданных в Мюнхене в 1929 году, пишет: «Существует немецкая идея, как, впрочем, и русская. В будущем они должны будут учитывать друг друга...»¹².

Исходя из программы пересоздания человечества, провозглашенной модерном, И. Фихте усматривал в немцах именно тот авангард, с которого это пересоздание начнется. Предназначение человеческого рода по И. Фихте заключается в том, чтобы народ сделал себя тем, чем он является изначально. Такое самосозидание должно начаться первоначально в каком-то конкретном народе. Конечно, как убежден философ, оно начнется с немцев, затем должно распространиться на все человечество. «В отношении же пространства мы полагаем, – пишет И. Фихте – что немцам, прежде всех прочих, следует вменить в обязанность начать собою новое время, предвосхищая и преобразуя его собою для всех прочих народов»¹³. Так, судьбы человечества ставятся в зависимость от немцев. Оставалось под эту идею подвести имперский фундамент.

Таким образом, идеалы И. Фихте в XIX веке материализовались в мещанском духе, в способности немцев лучше других производить качественные вещи и уметь предъявлять их на международных рынках. В качестве примера В. Розанов указывает на более совершенное производство в Германии пошлых зубных щеток. Он говорит, что признание качества этих щеток вселило в немцах уверенность, что они лучшие и передовые, и способны вести за собой другие народы «Германия решительно и деловым образом потребовала себе первенства во всемирной цивилизации, сорок лет подготавливаясь к войне и начав войну с по-

терей миллионов людей и убивая миллионы людей у соседних народов во имя того, что никто так не умеет выдвигать зубных щеток, как «германский человек»¹⁴.

Мы далеко ушли от этой исторической ситуации. Но понимания между цивилизациями явно по – прежнему не хватает. Глобализация не спасает. Может быть, даже обостряет проблему. Сегодня на роль авангарда в мировой истории претендуют уже другие страны. Но то, что произошло в свое время в Германии и что получило выражение в первой мировой войне, поучительно. Когда в XIX веке Германия превратилась в массовое общество и когда на арене истории появился тот самый заурядный человек, человек массы, о котором пишет Х. Ортега-и-Гассет, идея И. Фихте получила иную интерпретацию. Так, в работе «Немецкая культура и война», опубликованной в упомянутой серии «Война и культура», наш замечательный историк А. Дживелегов, касаясь причин возникновения первой мировой войны, писал: «Ему (немцу – Н. Х.), наученному покорно выносить все, дали почувствовать собственную силу; он стал наглым. Его, привыкшего постоянно терпеть поношения, сделали победителем. Его, еще недавно преклонявшегося перед культурой Франции, с триумфом провели через побежденную страну: он преисполнился верою в немецкий гений и в звезду Германии»¹⁵. Психология фашиста уже созрела. Оставалось ей только проявиться. Она была институционализована, под нее был подведен имперский фундамент, и она сполна проявилась в столкновении со славянским миром в двух мировых войнах. Возникла проблемы «своего» и «чужого».

По части лидерства антагонистами по М. Бакунину оказывались именно Россия и Германия. Россия связывается с анархией, стремлением к свободе, а Германия представляется бастионом охранительных установок, что не является такой уж и неправдой. Эту идею, например, выразил Гегель в своей «Философии права». Отрицание государственности – от России, культ государственности и культивируемая Бисмарком традиция Макиавелли – от Германии. Ну, что же, следя за ходом первой мировой войны, В. Розанов в очерках «В чаду войны» тоже констатировал: «Мы, русские, все общество наше, вся масса общества, уж слиш-

¹² Моссе Д. *Нацизм и культура. Идеология и культура национал – социализма*. М., 2010., с. 138;

¹³ Фихте И. *Речи к немецкой нации*. М., 2008., с. 59;

¹⁴ Розанов В. *В чаду войны. Статьи и очерки 1916 – 1918 гг.*, М-СПб., 2008, с. 245;

¹⁵ Дживелегов А. *Немецкая культура и война*. М., 1915., с. 58;

ком не государственным... Не спорю, за немцами «по государственности» нам не утнаться»¹⁶.

Как доказывал М. Бакунин, антагонистом Германии может быть только славянский народ как народ решительно негосударственный. В отличие от немцев как народа завоевательного, славяне являются мирным земледельческим народом. Воинственный дух им чужд, как чужд им и дух государственности, носителями которого, по его мнению, славяне быть не могут. Если первый импульс немцев – укреплять государственность в собственной стране и распространять государственный императив на всем Западе, то славянам присущи неприятие государства и стремление к вольно-общинному крестьянскому миру. В ментальности славян существует стремление «к общей свободе и к общему человеческому братству на развалинах всех существующих государств»¹⁷.

Хочется эту мысль М. Бакунина подчеркнуть. Он констатировал одну очень важную черту русской ментальности – стремление к общему человеческому братству. Мимо этой идеи не проходит искусство, в частности, поэзия. Ее очень точно выразил Е. Евтушенко в забытой поэме «Под кожей статуи свободы» («Морально наг, морально бос / Родителей проклятье / Я все же верую, как Бернс / Все люди станут братья»¹⁸).

Что же это за черта? В каком времени она сформировалась? Присуща ли она только русским или каким-то другим народам? Когда в годы первой мировой войны в Украине в очередной раз активизировались настроения, связанные с отделением от России, В. Розанов пытался убедить украинцев в том, что они ставят этот вопрос в трудное для России время, когда плоды долгого исторического собирания Руси в единое целое, кажется, исчезают. «Не торопите нас, хохлы, – писал В. Розанов – не торопите в эти страшные дни, месяцы, годы: и вам все будет дано, будет дано больше и лучше, чем вы сами желаете»¹⁹. В. Розанов пытается опровергнуть обвинение, которое предъявляется России как носителю духа империализма. Философ затрагивает существенные моменты ментальности русских, утверждая, что русские обладают «величайшей культурной силой, величающей объединительной властью для тех, грядущих времен, когда мяг-

кость и ласка, доброта и деликатность сделаются единственной властью для народов и человека»²⁰. В качестве аргумента присутствия в русских связующей, объединительной силы, не связанной с жесткой властью и выражающей дух братства, философ напоминает, что этот народ начал свою историю с призвания над собой чужой, инородной силы («Ни одна история не начиналась этим поступком кровости и безвластия»²¹).

Ответ на вопрос, когда, в каком историческом времени сформировалось это характерное для русских чувство братства, выходит за пределы ментальности. Это вопрос культуры. Ментальность – лишь психологический аспект культуры. М. Бакунин обратил внимание на один признак целой культурной традиции. Он, конечно, имеет место, но всей традиции не исчерпывает. Когда же мы пытаемся эту традицию постичь, мы отдаем отчет в односторонности вывода М. Бакунина. Выявление этой традиции свидетельствует, что братское чувство предполагает отнюдь не только антигосударственные установки, но и государственный императив. А вот это уже не столько западная, сколько византийская традиция.

Представляется, что А. Тойнби пронизательно улавливает активность византийской традиции в России не только в средние века. Он видит ее даже в установках русского марксизма. «Как под распятием, так и под серпом и молотом Россия – пишет он – все еще «Святая Русь», а Москва – все еще «Третий Рим»²². А. Тойнби еще более точно расшифровывает смысл Запада как вызова по отношению к России. Соответственно, усвоение византийской традиции как в ее политическом, так религиозном и культурном преломлении навсегда определило и отношение России к Западу. «Узурпируя, таким образом, сознательно и намеренно, византийское наследие – пишет А. Тойнби – русские вместе со всем прочим восприняли и традиционное византийское отношение к Западу, что оказывало глубочайшее влияние на собственно российское отношение к Западу не только до революции 1917 года, но и после нее»²³.

Еще Н. Данилевский одним из первых осознал ту причину неприязни Германии к России, которая вытекала из византийских корней русской культуры. Конфликт, который получил выражение в столкновении России и Герма-

¹⁶ Розанов В. Указ соч., с. 272;

¹⁷ Бакунин М. Философия. Социология. Политика. М., 1989., с. 338;

¹⁸ Евтушенко Е. Собрание сочинений в 3 т., т. 2. Стихотворения и поэмы. 1965-1972., М., 1984., с. 235;

¹⁹ Розанов В. Указ. Соч., с. 515

²⁰ Розанов В. Указ. Соч., с. 515

²¹ Розанов В. Указ. Соч., с. 515

²² Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М., 2003., с. 385;

²³ Тойнби А. Указ. Соч., с. 373;

нии во второй мировой войне, уходит глубоко в историю, в отношения между Римом первым и Римом вторым, т.е. Византией. Когда эти великие цивилизации угасли, их противостояние передалось более молодым народам. Эту расстановку сил Н. Данилевский представляет так: «Но и Рим, и Византия уже изжили свои творческие силы и должны были передать свое наследие новым народам. Наследниками Рима явились германцы, наследниками Византии – славяне; и в этих народах должна была ожить вековая борьба, которая велась всяким оружием между Грецией и Римом»²⁴.

То, что русские в средние века называли себя Римом, третьим Римом, подхватив эстафету в Византии, всем известно. Но едва ли этот факт до конца осмыслен и именно по той причине, что ментальность в ее цивилизационном проявлении длительное время не была предметом внимания. Полное осмысление ментального комплекса русских, возникшего еще в средние века, в современной ситуации оказывается неудобным. Ведь это не соответствует либеральным императивам. Оно может привести к обострению отношений России с Западом, которые весьма удобны в период активной ассимиляции в России либеральных ценностей. Оно неудобно и сейчас, оно не было удобно на всем протяжении XX века, хотя сами русские очень хотели это преодолеть, о чем свидетельствуют эпоха оттепели и эпоха реформ Горбачева. Может быть, это и определяет то непонимание России со стороны Запада, которое мы сегодня ощущаем в истории с Украиной.

Может показаться, что в данном случае речь идет о несходстве не между культурами, а между государствами. Но дело в том, что политическая культура является частным проявлением общей культуры. Констатируя имперское начало, мы все же имеем в виду, в том числе, и культуру.

Подхватывая эстафету у Византии, возводя третий Рим, русские добровольно, в соответствии с логикой этой эстафеты принимали ответственность за судьбу всех остальных народов, не важно, нуждались ли эти народы в этом или нет. Такова логика подхваченной русскими эстафеты. Подобная ответственность со стороны русских потребовала колоссального напряжения и, разумеется, собранности, концентрации всех духовных и физических сил и, что печально, ограничений свобо-

ды. Позднее это привело к тому, что ценности либерализации, сколь бы соблазнительными они ни были, здесь развиваться не могли. Может быть, именно этим ограничением свободы можно объяснить то обстоятельство, что русские, вопреки утверждению М. Бакунина, оказывались способными вызывать сильное государство, а, точнее, одну из могущественнейших империй мира, хотя, казалось бы, это добровольно взятое на себя бремя психологии русских и не соответствовало. Но такой оказалась логика истории, независимо от тех идей, которые пытались реализовать.

Может быть, именно потому, что такая государственность в ее византийской форме, выразителем которой оказался разгадавший вторую сторону ментальности русских Сталин, была воздвигнута, русские и смогли защитить себя, выстоять во второй мировой войне. Во всяком случае, такая точка зрения в литературе, несмотря на всю критику Сталина, высказывается. Так, в своей уже упомянутой нами книге Д. Робертс утверждает, что если бы Сталин не вызвал к жизни жесткую государственность, то ни Россия, ни коммунизм не смогли бы выиграть войну с Гитлером²⁵.

Ну, что касается коммунизма, то бог с ним. Он ушел в историю. Но ведь как свидетельствует А. Солженицын, Сталин понимал, что народ в ходе войны совершал подвиги не ради того, чтобы отстоять большевистскую идеологию и идеи коммунизма («...Сталин от первых же дней войны не понадеялся на гниловатую порченую подпорку идеологии, а разумно отбросил ее, почти перестал ее поминать, развернул же старое русское знамя, отчасти даже православную хоругвь, – и мы победили!»²⁶). Народ спасал жизнь, свою историю и свою культуру. Потому и начали появляться в литературе и на экране образы героических предков. История была реабилитирована. В народном сознании возрождался героический миф, без которого нет патриотизма. Миф как составляющая культуры. Миф, в котором настоящее не отделялось от героического прошлого.

Так, война трансформировалась в сакральный ритуал. И это многое определяло. Но вернемся к византийской традиции. Раз Рим второй был империей, то такова судьба русских – Россия тоже должна быть империей. Казалось, что такая твердыня была гарантией осуществления принятого на себя бремени ответствен-

²⁴ Данилевский Н. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 1991., с. 308;

²⁵ Робертс Д. Указ. Соч., с. 519;

²⁶ Солженицын А. Публицистика. В 3-х т., т. 1. Статьи и речи. Ярославль, 1995., с. 156;

ности за судьбы мира. Это и есть мессианизм. Его невозможно отрицать. Это выражение духа ментальности русских. Империя воспринималась залогом прочности и стабильности не только российского универсума, но всего мироздания. В данном случае культура и сила – мудрая сила объединились. Такова ментальная формула русской культуры. Во время второй мировой войны этот средневековый ментальный комплекс вновь стал реальным. Но это не только ментальный комплекс. Это культурная традиция, включающая в себя установку на жесткое государственное начало. Это та традиция, которая была заимствована Русью от Византии. Это тоже проявление культуры и признак российской цивилизации.

Проницательный М. Бакунин, однако, именно этого и не учитывал. Невозможно сказать, что он совершенно ошибался. Ведь русская революция 1917 года демонстрировала вторую сторону этой ментальности – уловленное М. Бакуниным антигосударственное, антиимперское начало. Но в этом-то проявилась как раз не византийская, а усвоенная русскими более поздняя западная традиция – традиция модерна: раз существующее государство не соответствует императивам разума, его следует разрушить. О последствиях этого разрушения не думали.

Таким образом, в русской ментальности имеется протеическое начало. В зависимости от исторических обстоятельств эта ментальность способна проявляться по-разному: и как стремление к разрушению государства, и как необходимость его укреплять. Это особенность и русской цивилизации, и сформированной в этой цивилизации культуры. Вот эта особенность не имеет адекватного осмысления и совершенно не осмысливается как особенность культуры. Вот в этом-то как раз и проявилась сила, мудрая сила, присущая этой цивилизации. Но эта особенность русской культуры до сих пор не разгадана. И если жесткой государственности и касаются, то она, как правило, подвергается критике. Это и не удивительно. Ведь войны XX века осмысляются исключительно в границах политической истории, а не в границах истории цивилизаций, развертывающейся в больших длительностях. Между тем, только сопоставление событий, происходящих в разных эпохах, позволяет выявить как бы вневременные, повторяющиеся ментальные особенности. При этом история государства не является какой-то особой, отдельной от истории государства

историей. История государства – частная история культуры, проявление этой истории.

Раз эта вторая сторона ментальности, связанная с государственным началом, является частью культуры, то уклон в эту сторону нельзя свести к установкам лишь правящей элиты. В том-то и дело, что упавшая на плечи русских ответственность – это не только внедряемая в них властной элитой ответственность, но и добровольно принимаемая всеобщая, а следовательно, и идущая снизу ответственность, что и позволяет утверждать, что для ментальности русских такая ответственность становится значимой. Взваливая на свои плечи ответственность за судьбу не только своей страны, но и всего мира, всегда ли в реальной истории русские оказывались способными ее осуществить? Иногда этот получалось, а иногда нет. Может быть, чаще всего не получалось.

Тем не менее, в русской истории, в народном сознании значимыми оказывались лишь те события, которые эту идею ответственности за судьбы всего мира подтверждали. Вторая мировая война явилась для русских в высшей степени исключительным событием, приобретающим и ментальный, и культурный, и планетарный смысл. Это событие выводит за пределы секуляризированной истории, воспринимаясь в сакральной ауре. Война превращается в ритуал, к сожалению, в ритуал жертвоприношения. Это почти религиозная тема. Поэтому к ней постоянно обращается искусство, все более превращаясь в наше время в развлечение. Не случайно у Ф. Достоевского есть такая мысль: «Если бы не было войны, искусство бы заглохло окончательно. Все лучшие идеи искусства даны войной, борьбой. Пойдите в трагедию, смотрите на статуи! Вот Гораций Корнеля, вот Аполлон Бельведерский. Поражающий чудовище»²⁷.

От подвига русских во второй мировой войне и в самом деле зависела и свобода других народов. Идея всемирного братства русскими, казалось, была реализована. Вторая мировая война стала исключительным событием для русского человека, для русской истории. Это одна из самых ярких страниц отечественной ментальности. Ради этого и приносились многочисленные жертвы. Не случайно после Сталинградской битвы в британской прессе утверждалось, что советские войска спасли европейскую цивилизацию²⁸.

²⁷ Достоевский Ф. Указ. Соч., т.22., Л., 1981., с. 124;

²⁸ Робертс Д. Указ. Соч., с. 216

Вторая мировая война не подтвердила идею М. Бакунина по поводу анархизма и антигосударственности русских. Вторая мировая война – не столкновение народа – анархиста с народом – государственным. В том-то и дело, что в экстремальной ситуации русские продемонстрировали себя государственным не в меньшей мере, чем немцы.

Несколько слов по поводу продолжения диалога, угрожающего перерасти в войну между цивилизациями уже в самое последнее время. В случае с Украиной мы убеждаемся в том, что проблема непонимания при активном желании России сохранить с Западом диалог остается реальной. Колоссальную роль в сохранении непонимания и расхождения в оценке событий продолжает играть усвоенная Западом еще в эпоху Просвещения идея модерна. А модерн, как известно, исходит из идей разума и необходимости разрушать кажущиеся устаревшими государства и приводить их в соответствие с установками разума. Разум же Запада – разум либеральный, рыночный.

Значимость культуры для жизни общества начала осознаваться поздно. Смысл культуры в эпоху Просвещения, т.е. модерна еще только начал открываться, да и то отдельными мыслителями, вроде Гердера. Модерн в принципе исходит из разума, а не из культуры. Сегодня

наиболее последовательным проводником идей ХУ111 века продолжает оставаться Америка. Это и не удивительно. За плечами этой страны нет истории, нет многовековой культуры. Поэтому она легкомысленно ориентируется на разрушение государств с помощью оранжевых революций.

Проблема, однако, заключается только в том, что вместе с государственной традицией разрушаются и культуры. Поэтому вместо разума и порядка после таких революций в странах с многовековой культурой торжествует не разум, а царит хаос и льется кровь. Если бы дело сводилось только к непониманию. В данном случае мы имеем случай навязывания своего непонимания другим. Диалог, кажется, не предвидится. Вот все это и приходится наблюдать. Значение второй мировой войны в истории, понимаемой как история цивилизаций и как история перманентного между ними диалога, заключается еще и в том, что она продемонстрировала активность культуры. Значительную роль в ней сыграл не только технологический фактор. Важно иметь в виду способность культуры вызывать к жизни и ту традицию, которая, казалось бы, уже успела уйти в прошлое и выживать в экстремальных ситуациях. Вот какие уроки преподает история и первой, и второй войны в XX веке.

Список литературы:

1. Бакунин М. Философия. Социология. Политика. М., 1989;
2. Бердяев Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990;
3. Вебер А. Избранное: Кризис европейской культуры. СПб., 1999;
4. Данилевский Н. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 1991;
5. Достоевский Ф. Полное собрание сочинений в 30 т., т. 22., Л., 1981;
6. Джонсон Ч. Немезида. Последние дни американской республики. М., 2008;
7. Дживелегов А. Немецкая культура и война. М., 1915;
8. Евтушенко Е. Собрание сочинений в 3-х т., т. 2. Стихотворения и поэмы. 1965-1972., М., 1984;
9. Жеффрой Г. Реймский собор // Аполлон. 1915., № 4-5;
10. Ильин И. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948-1954 годов. В 2-х т., т. 1., М., 1992;
11. Моссе Д. Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма. М., 2010;
12. Пушкин А. Собрание сочинений в 10 т., т. 3., М., 1960;
13. Робертс Д. Иосиф Сталин. От Второй мировой войны до «холодной» войны. 1939-1953., М., 2014;
14. Розанов В. В чаду войны. Статьи очерки 1916-1918 гг., М-СПб., 2008;
15. Солженицын А. Публицистика. В 3-х т., т. 1. Статьи и речи. Ярославль., 1995; в
16. Трельч Э. Историзм и его проблемы. М., 1994;
17. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М., 2003;
18. Федотов Г. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры., т. 2., СПб., 1992;

19. Фихте И. Речи к немецкой нации. М., 2008
20. Кеня И.А. Диалог культур русской и французской цивилизации: имена и судьбы // NB: Культуры и искусства. – 2013. – 1. – С. 147 – 165. DOI: 10.7256/2306-1618.2013.1.523. URL: http://www.e-notabene.ru/ca/article_523.html
21. Кучинов А.М. Подход к анализу политического процесса через его взаимосвязь с социокультурной динамикой – альтернатива подходу «политической культуры» // NB: Культуры и искусства. – 2013. – 4. – С. 43 – 52. DOI: 10.7256/2306-1618.2013.4.5567. URL: http://www.e-notabene.ru/ca/article_5567.html
22. Щупленков О.В., Щупленков Н.О. Аксиологическое осознание идеи российской государственности в контексте национального характера // NB: Философские исследования. – 2013. – 12. – С. 135 – 194. DOI: 10.7256/2306-0174.2013.12.9902. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_9902.html
23. Щупленков О.В., Щупленков Н.О. Национально-культурная идентичность в контексте философской традиции диалога культур // NB: Философские исследования. – 2013. – 10. – С. 183 – 244. DOI: 10.7256/2306-0174.2013.10.8848. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_8848.html
24. Болтаевский А.А. Сараевский кризис: уроки Первой мировой войны // NB: Исторические исследования. – 2014. – 3. – С. 37 – 52. DOI: 10.7256/2306-420X.2014.3.11459. URL: http://www.e-notabene.ru/hr/article_11459.html
25. Беляев В.А. Кризис интеркультуры и «столкновение цивилизаций» // NB: Философские исследования. – 2013. – 8. – С. 117 – 146. DOI: 10.7256/2306-0174.2013.8.662. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_662.html
26. Борисенков А.А. О политической культуре как способе политического бытия // NB: Философские исследования. – 2012. – 1. – С. 102 – 128. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_69.html
27. Гуревич П.С. Трезвость мысли, или апология войны // Психология и Психотехника. – 2014. – 1. – С. 7 – 11. DOI: 10.7256/2070-8955.2014.1.10769.

References (transliteration):

1. Bakunin M. *Filosofiya. Sotsiologiya. Politika*. M., 1989;
2. Berdyaev N. *Sud'ba Rossii. Opyty po psikhologii voyny i natsional'nosti*. M., 1990;
3. Veber A. *Izbrannoe: Krizis evropeiskoi kul'tury*. SPb., 1999;
4. Danilevskii N. *Rossiya i Evropa. Vzgl'yad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu*. M., 1991;
5. Dostoevskii F. *Polnoe sobranie sochinenii v 30 t., t. 22.*, L., 1981;
6. Dzhonson Ch. *Nemezida. Poslednie dni amerikanskoi respubliki*. M., 2008;
7. Dzhivelegov A. *Nemetskaya kul'tura i voina*. M., 1915;
8. Evtushenko E. *Sobranie sochinenii v 3-kh t., t. 2. Stikhotvoreniya i poemy. 1965-1972.*, M., 1984;
9. Zheffroi G. *Reimskii sobor // Apollon. 1915.*, № 4-5;
10. Il'in I. *Nashi zadachi. Istoricheskaya sud'ba i budushchee Rossii. Stat'i 1948-1954 godov. V 2-kh t., t. 1.*, M., 1992;
11. Mosse D. *Natsizm i kul'tura. Ideologiya i kul'tura natsional-sotsializma*. M., 2010;
12. Pushkin A. *Sobranie sochinenii v 10 t., t. 3.*, M., 1960;
13. Roberts D. *Iosif Stalin. Ot Vtoroi mirovoi voyny do "kholodnoi" voyny. 1939-1953.*, M., 2014;
14. Rozanov V. *V chadu voyny. Stat'i ocherki 1916-1918 gg.*, M-SPb., 2008;
15. Solzhenitsyn A. *Publitsistika. V 3-kh t., t. 1. Stat'i i rechi. Yaroslavl.*, 1995; v
16. Trel'ch E. *Istorizm i ego problemy*. M., 1994;
17. Toinbi A. *Tsivilizatsiya pered sudom istorii.*, M., 2003;
18. Fedotov G. *Sud'ba i grekhi Rossii. Izbrannye stat'i po filosofii russkoi istorii i kul'tury.*, t. 2., SPb., 1992;
19. Fikhte I. *Rechi k nemetskoj natsii*. M., 2008
20. Kenya I.A. Dialog kul'tur russkoi i frantsuzskoi tsivilizatsii: imena i sud'by // NB: Kul'tury i iskusstva. – 2013. – 1. – С. 147 – 165. DOI: 10.7256/2306-1618.2013.1.523. URL: http://www.e-notabene.ru/ca/article_523.html
21. Kuchinov A.M. Podkhod k analizu politicheskogo protsesssa cherez ego vzaimosvyaz' s sotsiokul'turnoi dinamikoi – al'ternativa podkhodu «politicheskoi kul'tury» // NB: Kul'tury

-
- i iskusstva. – 2013. – 4. – С. 43 – 52. DOI: 10.7256/2306-1618.2013.4.5567. URL: http://www.e-notabene.ru/ca/article_5567.html
22. Shchuplenkov O.V., Shchuplenkov N.O. Aksiologicheskoe ooznanie idei rossiiskoi gosudarstvennosti v kontekste natsional'nogo kharaktera // NB: Filosofskie issledovaniya. – 2013. – 12. – С. 135 – 194. DOI: 10.7256/2306-0174.2013.12.9902. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_9902.html
23. Shchuplenkov O.V., Shchuplenkov N.O. Natsional'no-kul'turnaya identichnost' v kontekste filosofskoi traditsii dialoga kul'tur // NB: Filosofskie issledovaniya. – 2013. – 10. – С. 183 – 244. DOI: 10.7256/2306-0174.2013.10.8848. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_8848.html
24. Boltaevskii A.A. Saraevskii krizis: uroki Pervoi mirovoi voiny // NB: Istoricheskie issledovaniya. – 2014. – 3. – С. 37 – 52. DOI: 10.7256/2306-420X.2014.3.11459. URL: http://www.e-notabene.ru/hr/article_11459.html
25. Belyaev V.A. Krizis interkul'tury i «stolknovenie tsivilizatsii» // NB: Filosofskie issledovaniya. – 2013. – 8. – С. 117 – 146. DOI: 10.7256/2306-0174.2013.8.662. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_662.html
26. Borisenkov A.A. O politicheskoi kul'ture kak sposobe politicheskogo bytiya // NB: Filosofskie issledovaniya. – 2012. – 1. – С. 102 – 128. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_69.html
27. Gurevich P.S. Trezvost' mysli, ili apologiya voiny // Psikhologiya i Psikhotekhnika. – 2014. – 1. – С. 7 – 11. DOI: 10.7256/2070-8955.2014.1.10769.